

опрашиваемого лица обеспечивается в порядке, установленном ч. 9 ст. 166 УПК РФ. Представляется, объяснение, полученное с соблюдением этих правил, может быть признано допустимым доказательством и оглашено в суде.

Вместе с тем регламентацию нового проверочного действия нельзя считать достаточной, что также можно сказать и в отношении законодательного регулирования рассматриваемого проверочного действия по УПК Республики Беларусь: отсутствует четкий порядок получения объяснений (порядок вызова, процессуального закрепления результатов, субъектный состав лиц, которые могут быть привлечены для дачи объяснений, последствия нарушения данных законодательных установлений). Стоит учитывать, что к уклоняющемуся от явки лицу не могут применяться принудительные меры, направленные на доставление против воли последнего к компетентному лицу правоохранительного органа для дачи объяснений. В подобных случаях лицо, осуществляющее проверку, должно ограничиться разъяснениями необходимости получения объяснений, значения их для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела, обращением к гражданскому долгу рассказать все ему известное. Так, в рамках проверки СУ СК России по Удмуртской республике сообщения об уклонении от уплаты налогов руководством предприятия заместителем руководителя следственного отдела вручена главному бухгалтеру организации М. повестка о явке для опроса по материалу проверки. Неявка М. для опроса послужила основанием для возбуждения в отношении него дела об административном правонарушении по ст. 17.7. КоАП РФ (умышленное невыполнение законных требований следователя). Постановлением мирового судьи судебного участка № 6 Октябрьского района г. Ижевска от 11 июля 2011 г. М. признан виновным в совершении данного административного правонарушения, решением судьи Октябрьского районного суда г. Ижевска от 11 августа 2011 г. постановление по делу об административном правонарушении оставлено без изменения. Однако Верховный Суд Удмуртской республики постановлением от 13 декабря 2011 г. по делу № 4-а-519 отменил вышеуказанные акты, мотивировав свое решение тем, что уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает право следователя на стадии проверки сообщения о преступлении требовать явки лица для опроса и соответственно не возлагает на лицо обязанность явиться по вызову следователя на данной стадии уголовного судопроизводства, когда уголовно-процессуальное принуждение минимизировано.

Еще одним аспектом рассматриваемого вопроса является соотношение процедуры получения объяснений до возбуждения уголовного дела с процедурой получения показаний, данных в ходе допроса после такого возбуждения. Полагаем, объяснения должны оформляться по правилам, предъявляемым к протоколу допроса. Отличие объяснений от показаний состоит в том, что очевидец (лицо, у которого берется объяснение) не обязан отвечать на поставленные вопросы; опрашивается по месту его нахождения, не подлежит вызову в орган расследования по повестке; не может быть подвергнут приводу; не несет ответственности за отказ от дачи объяснений или сообщение заведомо ложных сведений.

Дискуссионным представляется предложение о необходимости введения обеспечительной меры по принудительному доставлению (приводу) лиц, располагающих сведениями о преступлении, для истребования объяснений в рамках проводимой проверки поступившей информации о преступлении. На этапе возбуждения уголовного дела – и это является сущностным признаком первоначальной стадии процесса – уголовно-процессуальное принуждение сведено к минимуму, деятельность на данном этапе может сопровождаться принудительными средствами в той части, в которой это необходимо для установления искомых достаточных данных, указывающих на признаки преступления: об этом свидетельствует возможность безотлагательного проведения лишь ограниченного круга следственных действий, недопустимость производства допроса, добровольный характер истребования предметов и документов, добровольный характер исполнения запросов следователя, руководителя следственного органа, дознавателя и органа дознания в ходе проведения такого процессуального действия, как истребование предметов и документов (взамен выемки) и вместе с тем исключительные возможности их принудительного изъятия. По замыслу законодателя, предусмотренные им меры уголовно-процессуального принуждения могут быть применены в отношении участников уголовного судопроизводства лишь после возбуждения уголовного дела либо одновременно с ним. Простой вызов в правоохранительные органы в любой форме (просьба, приглашение и т. п.), тем более с вручением официальной повестки, уже представляет собой специфическую меру принуждения и сопряжен с переживаниями, тревогами и лица, от которого необходимо истребовать объяснения. Очевидно, привод опрашиваемого лица предполагает еще более существенное ограничение конституционных прав опрашиваемого лица, противоречит особенностям и целям познавательной деятельности на данном этапе.

Введение нового проверочного действия позволяет говорить о возможном закреплении процессуального статуса опрашиваемого лица (очевидца), под которым понимается лицо, обладающее информацией об обстоятельствах, подлежащих установлению по проверяемому сообщению о преступлении, и от которого отбираются в связи с этим объяснения. Возникновение этого самостоятельного участника имеет под собой необходимые фактические и процессуальные основания. Фактически такое лицо не обеспечено правом возмещения понесенных в связи с участием в уголовно-процессуальной деятельности расходов, правом заявлять отводы и ходатайства должностным лицам.

УДК 343.263.2

Т.А. Савчук

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ КАК СУБЪЕКТЫ ИСПОЛНЕНИЯ РЕШЕНИЯ О ДОМАШНЕМ АРЕСТЕ

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь предусмотрел в качестве меры пресечения домашний арест, определив его субъекты и порядок избрания, перечень сопровождающих мер, обеспечивающих изоляцию и надлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого в условиях домашнего ареста (ст. 125 УПК), возложив обязанность исполнения этой меры пресечения на органы дознания (ч. 6 ст. 119 УПК). Такой подход законодателя разделяют не все отечественные ученые. Например, Д.В. Семенов считает, что реализация домашнего ареста носит ярко выраженный административно-правовой характер и поэтому является сферой деятельности органов исполнительной власти, а И.М. Князев полагает, что исполнение данной меры пресечения должно входить в компетенцию органов, уполномоченных осуществлять оперативно-розыскную деятельность.

Примечательно, что уголовно-процессуальные кодексы государств – участников СНГ демонстрируют различные подходы к субъектам исполнения домашнего ареста: в России эта функция возложена на органы исполнения уголовных наказаний, в Казахстане – на орган, ведущий уголовный процесс, в Украине – на органы внутренних дел. Одни ученые предлагают возложить данную функцию на службу судебных приставов Министерства юстиции Российской Федерации (Д.А. Долгушин, В.Ю. Мельников,

Л.К. Трунова), другие – на органы исполнения наказаний (К.С. Абдырахманов, Р.Т. Алиев, В.А. Светочев, О.И. Цоколова). Некоторые процессуалисты считают такими субъектами ОВД (Ф.Н. Багаутдинов, А.Е. Григорьева, Г.С. Русман), таможенные органы и органы федеральной безопасности (В.А. Михайлов, В.З. Лукашевич).

Опрошенные нами практические работники также продемонстрировали различное понимание субъекта исполнения домашнего ареста.

Представляется, что неоднозначная оценка субъекта исполнения домашнего ареста учеными и практическими работниками вызвана прежде всего расширительным толкованием такого субъекта в УПК (органы дознания). На наш взгляд, в УПК (ч. 6 ст. 119) вопрос о субъекте исполнения домашнего ареста должен решаться по-иному, ведь ст. 37 УПК включает в перечень органов дознания такие государственные органы (должностные лица), большинство из которых не в состоянии осуществлять функцию надзора за лицом, помещенным под домашний арест. Полагаем, что из числа перечисленных в ч. 1 ст. 37 УПК государственных органов и должностных лиц надлежало исполнить решение о домашнем аресте могут прежде всего ОВД по месту жительства лица, к которому применена данная мера пресечения. Такой подход подтверждают и результаты изучения нами постановлений о применении домашнего ареста.

На основании изложенного предлагаем в число субъектов, исполняющих решение о домашнем аресте, включить ОВД (должностное лицо ОВД) по месту жительства подозреваемого, обвиняемого, о чем необходимо указывать в постановлении (определении) о применении данной меры пресечения. Для надлежащей организации и осуществления надзора за исполнением домашнего ареста орган, ведущий уголовный процесс, должен направлять соответствующему ОВД указанный процессуальный документ незамедлительно после принятия этого решения. Норму такого содержания следует предусмотреть в ст. 125 УПК. Проведенное нами исследование показало, что практика также идет по этому пути: в большинстве случаев (96,5 %) такое постановление и (или) перечень сопровождающих домашний арест мер направляются в конкретный ОВД. Считаем, что осуществление надзора за исполнением домашнего ареста должно возлагаться в основном на участкового инспектора милиции, поскольку он наиболее приближен к населению и наделен определенными полномочиями, которые могут осуществляться и в отношении лиц, содержащихся под домашним арестом. При этом в ежедневный план работы, составляемый участковым инспектором милиции на месяц в рабочей тетради, можно вносить сведения о посещениях таких лиц и о других формах осуществления надзора за ними. Документальное оформление результатов посещения лица по месту жительства и проведения других мероприятий по осуществлению надзора за ним должно оформляться соответствующими документами (рапорт, протокол, журнал), а ненадлежащее осуществление должностным лицом функций надзора должно предусматривать ответственность в соответствии с законодательными актами Республики Беларусь.

Следует обратить внимание на то, что Указ Президента Республики Беларусь от 4 декабря 2007 г. № 611 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел и организаций, входящих в систему органов внутренних дел» предусматривает исполнение данными органами лишь меры пресечения в виде заключения под стражу, а норма об исполнении ими домашнего ареста в данном Указе отсутствует. Полагаем, что данный правовой пробел должен быть устранен путем приведения его в соответствие с требованиями ч. 6 ст. 119 УПК, возлагающей такую обязанность на органы дознания.

В УПК отсутствует регламентация порядка исполнения домашнего ареста, не разработан механизм реализации сопровождающих его мер, не урегулированы вопросы жизнедеятельности лиц, содержащихся под домашним арестом. Названные обстоятельства являются причинами невостребованности домашнего ареста и объясняют трудности в его практической реализации. Считаем, что порядок исполнения домашнего ареста и сопровождающих его мер должен регламентироваться межведомственным нормативным правовым актом, проект которого нами разработан и получил положительную оценку нормотворческих и правоприменительных органов. В частности, разработанная нами Инструкция предлагает: уточненный круг субъектов исполнения решения о домашнем аресте, их компетенцию; способы надзора за лицом, содержащимся под домашним арестом (внеплановые посещения его по месту жительства с правом вхождения субъекта надзора в жилище такого лица; контролирующие телефонные звонки на стационарный телефон в его жилище; опрос соседей по месту его жительства); порядок проведения субъектами надзора проверок соблюдения лицом установленных правоограничений и оформления результатов таких мероприятий; механизм реализации наблюдения за подозреваемым, обвиняемым, охраны их жилища; примерный перечень обстоятельств, при возникновении которых в ходе производства по уголовному делу запреты, сопровождающие домашний арест, могут быть изменены (например, необходимость посещения медицинских учреждений, торговых объектов, выезда к месту жительства близкого родственника в связи с его смертью); предусмотреть дисциплинарную ответственность должностных лиц за неисполнение (ненадлежащее исполнение) обязанностей по осуществлению надзора за лицом, находящимся под домашним арестом.

Вышеизложенные предложения направлены на устранение правовых дефектов в нормативной регламентации субъектов и порядка реализации домашнего ареста, будут способствовать единообразному правопониманию и правоприменению норм о домашнем аресте и субъектах, их исполняющих, что позволит активизировать применение данной меры пресечения.

УДК 343.12

А.В. Самко

НЕЯВКА ЧАСТНОГО ОБВИНИТЕЛЯ В СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ОБВИНЯЕМОМУ

В условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства существенный интерес вызывает производство по уголовным делам частного обвинения, регламентация которого далека от совершенства. Анализ норм Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих вопросы прекращения производства по уголовному делу частного обвинения в связи с неявкой частного обвинителя или его представителя в судебное заседание без уважительных причин, позволяет отметить отсутствие в законе ответа на вопрос о праве обвиняемого на возмещение вреда при прекращении производства по уголовному делу по данному основанию.

Ст. 461 УПК называет в качестве субъектов возмещения вреда лишь подозреваемого или обвиняемого, уголовное преследование против которых прекращено по основаниям, предусмотренным п. 1, 2, 8 и 9 ч. 1 ст. 29 и ч. 2 ст. 250 УПК, оставляя за скобками вопрос о наличии подобного права по уголовным делам частного обвинения.